

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4508185>

Греховные мысли

Направленность: Гет

Автор: [Стекло и Вата \(https://ficbook.net/authors/373779\)](https://ficbook.net/authors/373779)

Фэндом: Noragami

Пейринг или персонажи: Кадзума/Бисамон

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Флафф, PWP, Hurt/comfort

Предупреждения: OOC

Размер: Мини, 9 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Стоя, словно дворецкий, по ту сторону одной и той же реальности, раздвоившейся на тень, отбрасываемую ширмой, и на красочную картинку за ней, с полотенцем в одной руке и шелковой, норовившей соскользнуть с грубой ткани форменного пиджака, юкатой на сгибе другой, Кадзума напряженно ждал момента, когда его позовут.

Посвящение:

Адати Тока, автору манги «Бездомный Бог», и всем фанатам пейринга Кадзума/Бисамон

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

На заметку:

Во-первых, Кадзума не извращенец;

Во-вторых, к сожалению, очень мало работ по данному пейрингу;

В-третьих, катализатором для написания этой работы послужил вот этот, случайно найденный в Интернете, арт:

http://p4.i.ntere.st/e19d3b157221e2d6228e51298ba75131_480.jpg

Приятного чтения!

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Примечание к части	12

Часть 1

Кому в голову не лезут мысли, от которых сам же приходишь в ужас? — Рю Мураками, «Пирсинг».

За тоненькой ширмой из рисовой бумаги, вручную расписанной узором из розовых цветов и птиц, отчетливо слышался звонкий плеск воды и размеренные, будто высчитанные по секундам, удары полой бамбуковой палочки о камень журчащего колодца. За тоненькой ширмой из рисовой бумаги нестерпимо палило жаркое солнце, россыпью золотых искр преломляющееся на поверхности водной глади, и стоял удушливый пар горячего источника. За тоненькой ширмой из рисовой бумаги пестрел преувеличенно яркий, полный красок, фантастический пейзаж дивного сада, разбитого вокруг источника. За этой чертовой, треклятой ширмой творился один из самых жутких кошмаров в *его* жизни, ставший для него одновременно и непривычно обыденным, и пугающе навязчивым.

Стоя, словно дворецкий, по ту сторону одной и той же реальности, раздвоившейся на тень, отбрасываемую ширмой, и на красочную картинку за ней, с полотенцем в одной руке и шелковой, норовившей соскользнуть с грубой ткани форменного пиджака, юкатой на сгибе другой, Кадзума напряженно ждал момента, когда его позовут. Ждал и содрогался всем телом от тех ужасающих видений, что рождало его воспаленное, растерзанное бессонницей и чувством невероятного стыда, отвращения к самому себе, воображение. Подобные омерзительные мысли, порочным вихрем метавшиеся в уставшем мозгу, сравнительно недавно начали настойчиво посещать Чоуки. А если быть более точным, то с того самого момента, как после позорного изгнания Кугахи, ему было позволено вернуться в «семью». Тогда, ослабленная, нуждающаяся в поддержке госпожа буквально окатила его волной из нерастраченной за столетия, века нежности и заботы, что и привело к условному «падению» Кадзумы. Юноша долго, очень долго, упорно сопротивлялся осознанию того, что уже давно, полностью и бесповоротно, полюбил Бисамонтен. Ведь многое, включая и то, что изначально Богиня Войны единственная из всех поверила в его способности, и то, что, потеряв весь клан «Ма», пожелала остаться с ним, и то, что он стал ее Священным сосудом, и то, что фактически являлся ее правой рукой, и еще множество мелких, но имеющих огромное значение фактов, медленно скапливалось в трепетном, отзывчивом сердце синки, постепенно превращаясь в тайную и кроткую влюбленность. Инцидент с Кугахой лишь усилил то вспыхивающее, подобно языкам пламени, то утихающее, подобно бескрайнему морю после бури, чувство, доведя несчастного, настрадавшегося за тысячу собственных ошибок Чоуки до апогея своей, почти благоговейной, любви. И до тёмного, скверного вожделения.

Ведь любить Бога, ради которого готов даже на большее, чем «на все», это еще допустимо. Тяжко, мучительно, трудно, но допустимо. Желать же Бога — табу. По человеческим меркам, это сродни нарушению той золотой, хрупкой грани, которая напрочь убивает самые светлые, возвышенные и искренние чувства, которые когда-либо могут поселиться в таком изменчивом, прихотливом человеческом сердце. Это своеобразная точка невозврата, растаптывающая идеализированную возвышенность в пыль, в ничто. По меркам божественного загробного мира, это сродни преступлению,

греху, от которого не спасет даже сотня ритуалов омовения. И Кадзума прекрасно понимал всю сложность, безвыходность сложившейся ситуации. Любить Бисамонтен, преклоняться перед этой сильной и в то же время невероятно хрупкой женщиной, привыкшей носить непробиваемую броню из резковатой холодности и гордой неприступности, казалось ему таким же естественным, как дышать. Однако немудрено, что там, где зародилось духовное, рано или поздно возникнет физическое, и Кадзума, всегда уверенный, что никогда не позволит себе переступить черту отношений «Бог-Его орудие», затапливающий, сознательно хоронящий в гробу из собственной души свои чувства, с отчаянием понимал, что внезапно переступил установленный им самим запрет. Ведь, в конечном итоге, и его душа оказалась закрытой книгой, полной страшных тайн и загадок.

Стоя и ожидая зова госпожи, юноша сравнивал себя с последним отродьем Дальнего берега. Ибо именно сейчас перед глазами непристойным веером пронеслись самые низкие, жалкие и отвратительно-честные, неприкрытые серебристой вуалью лжи и самообмана человеческие пороки. Слабости.

— Кадзума! — приказной, строгий женский голос больно резанул по ушам, заставляя разум синки выкарабкаться из болота порочный тьмы на берег безжалостного света. Нервно сглотнув образовавшийся вдруг ком в горле, Чоуки дрожащей рукой медленно отодвинул сёдзи, и тут же зажмурился: бьющее в глаза солнце ослепило его.

Едва переступая на отяжелевших, ставших ватными ногах, он неуверенно приблизился к краю бассейна и остановился, ожидая приказаний. Богиня Войны сидела к нему спиной. Необычайно длинные, роскошные, золотисто-светлые волосы, переливаясь, разметались по обнаженным женским плечам, частично скрывая наготу белоснежного тела. Синки шумно выдохнул: она никогда не стеснялась являться перед ним абсолютно голой. Непокосимое ли доверие было тому причиной или же полное отсутствие стеснительности, не присущей Богам вовсе, — неизвестно. В любом случае, высшее доверие, оказанное ему, было предано. Сейчас он чувствовал себя так, будто готовился к изгнанию грехов.

Вайшравана повернулась к нему вполоборота, и пронзительно-серьезные, фиалковые глаза уставились на побледневшего юнца. С минуту она молча изучала взглядом до боли родное лицо, словно выискивая в нем какие-то изъяны, и за это мгновение Кадзуме показалось, будто Бисамон видит его насквозь, сканируя изнутри каждую черную дыру в его грязной душе. Невзирая на царящую вокруг духоту, изредка нарушаемую легкими набегамися слабого ветерка, создававшего рябь на полупрозрачном водном зеркале, шатену впервые стало нестерпимо жарко в своей униформе.

— Скажи мне, — произнесла, наконец, девушка, к счастью Чоуки отводя невыносимо тяжелый взгляд, — тебя что-то беспокоит, Кадзума?

Это был скорее не вопрос, но утверждение. Сделавшись более внимательной и чуткой по отношению к своим орудиям, Бисамонтен теперь еще сильнее чувствовала их переживания, тревогу и страх. И непонятное, неопишное состояние Кадзумы, беспокоившее ее в последнее время все чаще и чаще, заставляло ее волноваться. Уж слишком многое они пережили вместе. Слишком часто она, зарывшись носом в

подушку, беззвучно рыдала по ночам, пока никто не видит ее слабости, о самом дорогом для нее человеке. Слишком часто она, забывшись в приступах гнева или депрессии, не замечала ни его грустного взгляда, ни протянутой руки помощи, ни предложений поделить своей болью, ни его самого. Слишком много ошибок она совершила, сама заставляя Кадзуму страдать. Ведь гораздо проще признать свою неправоту, пускай даже пройдя сквозь кровавый конфликт, чем беспрестанно делать вид, будто она ни в чем не виновата. Виновата.

— Кадзума, я жду ответа, — чуть смягчив приказной тон, повторила Вайшравана. И чуть не задохнулась: сердце Чоуки забилося настолько быстро, дико, колотясь о ребра, что ей внезапно стало дурно. Что же его беспокоит?

Шатен уронил полотенце и юкату на мокрый, выложенный плиткой пол, обессиленно упал на колени и лихорадочным движением ослабил удавкой стягивающий шею галстук. Что же ему делать?! Что?! Как сказать госпоже о той черни, что гнездится у него в груди?! Да он ни за что на свете, даже под самыми страшными пытками не признается ей в том, что он... возжелал ее! Пусть лучше она откажется от него, выбросит на помойку, сделав из него Нору, но он...

— Госпожа Бисамон... — еле выдавил из себя синки, реальность для которого превратилась в единый сплошной, наполненный абсурдом, кошмар. — Я... я не могу сказать вам.

Удивленная, Бисамонтен повернулась к нему уже всем корпусом, не веря ушам своим. Кадзума?! Отказывается говорить?! Однако жалкая, сгорбленная фигура подавленного, разбитого Чоуки красноречиво прояснила некоторые детали. Только вот ей от этого легче не стало. Напротив, болезненные эмоции, испытываемые орудием, лишь усугубляли положение. Столько дней мучить ее и, наконец, добить окончательно... Это было чересчур жестоко. И пугающе.

— Тогда как ты объяснишь мне это? — отбросив за спину спадающую на шею влажную прядь золотистых волос, Вайшравана указала пальцем на крохотное темно-фиолетовое пятнышко скверны под левой ключицей. — Не ври мне, пожалуйста.

Зеленые, покрасневшие от слёз глаза с ужасом воззрились на прямое доказательство его испорченности. Щёки неприятно горели от соли, а во рту пересохло, как в пустыне. Едва ли он мог представить себе, что однажды вновь доведет госпожу до осквернения. И чем?! Своей же разнузданностью! Ему нечего было сказать ей. Ему до невозможности стыдно было смотреть ей в глаза. Ему хотелось умереть прямо здесь и сейчас, лишь бы не, захлебываясь словами, исповедоваться в своих греховных мыслях. Просунув ладони под очки, парень закрыл лицо руками, словно бы этот трогательный жест помог бы ему быстрее избавиться от самого себя.

Однако Бисамон была бы не Бисамон, если бы, чувствуя покалывающую боль в пораженном заразой месте, оставила бы все так, как есть. С громким плеском поднявшись из воды, подобно Венере, вышедшей из пучины морской, с плотно прилипшими к телу прядями роскошных волос, она, не стесняясь своей наготы, подошла вплотную к краю бассейна и, протянув руки к содрогающемуся в конвульсивных

рыданиях синки, обняла того за шею. Очки Кадзумы треснули. Прижав голову замершего шатена к своему плечу и зарывшись изящными, с розовыми ноготками, пальчиками в густую вихрастую шевелюру, Вайшравана очень тихо, едва слышно, прошептала ему в самое ухо:

— Кадзума, ты же знаешь, что я всецело доверяю тебе, так доверься же и ты мне, пожалуйста. Возможно, ты все еще никак не можешь простить меня за ту непростительную глупость, когда я почти отобрала у тебя имя, но я искренне сожалею об этом. Прошу тебя, если ты злишься или обижен, расскажи мне об этом.

Горячие искренние слёзы стекали по её плечу; плечи юноши ходили ходуном; а губы, невольно стоприкасавшиеся с ее кожей, мелко подрагивали.

— Я не могу... — сдавленно просипел Чоуки. — Госпожа Бисамон, я не могу... произнести это вслух...

— Но поч...

— *Потому что я хочу вас!*

На миг, всего лишь на жалкий миг, обоих парализовало состояние полнейшего ступора. Кадзума, мгновенно сообразивший, какую гадость он ляпнул, медленно погибал изнутри, сгорая до тла в собственных муках. Фигурально выражаясь. Бисамон же, чье сердце в данный момент отбивало куда более бешеный ритм, чем сердце синки, пыталась понять смысл услышанного. Ладно бы, такое прозвучало из уст Ято — испорченного по всем понятиям божка — но это признание принадлежало Кадзуме. Кадзуме! Ее Кадзуме! Уму непостижимо! Она думала, что их связывают только очень тесные, глубокие отношения, а оказалось...

Чоуки рывком высвободился из объятий оторопевшей Богини Войны. Не вставая с колен, он склонился в столь низком поклоне вины, что лбом коснулся каменной плитки. Он не верил, что позволил своим желаниям вылезти наружу в самом их неприглядном обличье и готов был хоть сейчас остаться без имени. Что угодно, только не сжирающее его чувство предательства к самому светлому, самому родному для него существу. Существу, некогда подарившему ему шанс на вторую жизнь.

— Простите меня! — с рыданием в голосе воскликнул шатен. — Простите, простите, простите!

Она была для него всем. Смыслом его существования, его радостью и печалью, его рассветом и закатом, его судьбой.

— Госпожа Бисамон, умоляю, простите меня!

Ему казалось, будто вокруг него выросли три полупрозрачные стены заклятия, заключившие его в треугольнике агонии и боли, а рядом стоят трое орудий и осуждающе наблюдают за его падением в бездну.

Но... Иллюзия ритуала омовения, созданная воспаленным сознанием, внезапно рассеялась, подобно туману после дождя, ослабляя напор, и мягкие, душистые, влажные ладони дотронулись до его лица, заставляя юношу поднять голову. Бисамонтен улыбалась. Той самой робкой и неуверенной улыбкой, так редко возникающей на ее губах, от которой весь окружающий мир терял свои краски, а все насущные тревоги становились сущим пустяком. В фиалковых глазах больше не было напряженности; на щеках Богини проступила заметный, нежно-розовый румянец, отчего та казалась совсем юной девочкой. Невзирая на столетний возраст.

Огладив большими пальцами скулы и подбородок синки, Вайшравана мягко проговорила:

— Тебе не за что извиняться, — зеленые, блестящие от влаги глаза изумленно расширились. — Я сама виновата, что не обратила внимание на твое состояние раньше.

— Г-г-госпожа Бисамон, — несчастный, сбитый с толку Чоуки вовсе потерял нить происходящего, — вам не за что.... Вы не должны...

Бисамон отрицательно покачала головой и вздохнула: даже если это желание скромного, тихого, но безумно дорогого ей Кадзумы, разве может она не исполнить его? В конце концов, она — Бог, и это ее прямая обязанность. В самом деле, не думает же он, что она заберет у него имя?

— Тише, тише, это не твоя вина, а твоей человеческой сущности. Поэтому... просто позволь мне исполнить твое желание.

Говорить такое было нелегко. Ибо сама Бисамон, несмотря на свою ослепительную красоту и силу, никогда не воспринимала себя роковой красавицей, способной свести любого мужчину с ума. Да и думать о подобных пошлостях было некогда. Посему, даже прожив на этом свете много веков, глубоко-глубоко внутри она всегда оставалась застенчивой, хрупкой девочкой, заковавшей себя в доспехи железной, воинственной женщины.

Еще сложнее оказалось совершить первый шаг: ухватившись за лацканы мужского пиджака, Вайшравана, словно сказочная ундина, утащила Кадзуму за собой, в горячую, отдающую паром воду. Нелепо плюхнувшись, создав целый фонтан искрящихся, как драгоценные камни, брызг, парень, закашлявшись, инстинктивно вынурнул на поверхность, лицом к лицу с Бисамонтен. Лицо тут же обдало жаром величайшего смущения, аж до кончиков ушей, а мигом насквозь промокшая одежда камнем повисла на теле.

— Виина... — выдохнул шатен, замороженный ласковым взглядом госпожи.

— Все хорошо, Кадзума, — тонкие, но сильные руки легонько вспорхнули обратно к нему на плечи, осторожно приближая вставшего столбом Кадзуму. — В том, чего ты хочешь, нет ничего греховного. Потому что связь между Богом и его синки нерушима.

И сладкие, мокрые губы Виины прикоснулись к дрожащим губам Чоуки. Закрыв глаза и вновь обняв юношу за шею, она без оглядки отдалась во власть первого, самого важного поцелуя, символизирующего переломный момент для обоих. В груди орудия приятно ёкнуло, будто сердце на секунду взорвалось и воссоединилось заново, и тот медленно,

боязливо ответил на поцелуй. Это было просто касание, сминающее одни губы другими, однако и у Бисамон, и у Кадзумы закружилась голова от нахлынувшей волны новых, рождающих в сердце радостный трепет, чувств. Когда девушка отстранилась, румянец ее алел пуще прежнего, а в висках громко стучал учатившийся пульс. Ее или синки? Сложно было разобраться, потому что только что произошедшее казалось неким нереальным сном, промелькнувшим моментом, когда они буквально выпали из реальности.

— Так нельзя... — сбивчиво, заговариваясь от пережитого потрясения, промолвил Чоуки, не смея поднять глаз. Вид его госпожи, стоящей перед ним в чем мать родила и краснеющей аки невинная юница, был слишком искушающим, лишаящим последних остатков здравого смысла и самообладания. — Мы не можем, Виина, ведь это богохульство...

Кого он убеждал больше — себя или ее? Или свои низменное человеческое желание? Кого он пытался остановить — разыгравшееся не на шутку воображение или отчаянно сопротивляющийся ему разум? Эти душевные терзания померкли сразу же, стоило лишь Богине Войны приложить пальцы к пульсирующей голубоватой жилке на его шее. Прикосновение обожгло кожу, и юноша неосознанно дернулся, тут же попадая в раскрытые объятия Вайшраваны. Крепко прижавшись к нему, замечая, как приятно грубая ткань униформы трётся о чувствительную кожу, Бисамон повторила:

— Все хорошо, Кадзума, ты не причинишь мне никакого вреда.

Она вовсе не уговаривала его и не утешала, а только констатировала факт: то, что испытал ее подопечный, не только не заставило ее испытывать боль, наоборот — было весьма волнительно. Не дожидаясь ответа орудия, вот-вот готового вырваться на волю вместе с очередными слабыми попытками сопротивления своей же природе, блондинка снова прильнула к лицу шатена, сама вовлекая его в более затяжной и чувственный поцелуй. Пока губы, соприкасаясь, то отдалялись друг от друга, позволяя сделать лишний глоток недостающего в легких воздуха, то вновь воссоединялись, Богиня неторопливо начала расстегивать позолоченные пуговички пиджака. Влажная и тяжелая вещь плохо поддавалась, однако она успешно справилась, черный комок одежды камнем опустился на дно бассейна. Кадзума нервно вздрагивает, когда от порыва теплого ветерка соски под дорогой мокрой рубашкой наливаются свинцом, но и деваться ему уже некуда: переключив внимание с губ, Виина неторопливо, почти ласково спустилась цепочкой поцелуев — от резко очерченного овала лица — к его шее, попутно задев юрким язычком выступающий сквозь бледную кожу кадык. По телу шатена прокатилась блаженная волна мурашек; позвоночник изогнулся под нереальным углом, подставляя шею под поцелуй, однако в какой-то безумный проблеск сознания он опять предпринял попытку свести все на нет:

— Виина... Пожалуйста, прекрати...

Девушка только покачала головой, нахмурившись:

— Разве ты не понимаешь? Чем дольше ты будешь терзать себя своей похотью, тем хуже будет мне. Твои мысли оскверняют меня, поэтому до тех пор, пока ты не добьешься

своего, скверна будет разрастаться и дальше, Кадзума.

«... Разрастаться и дальше...» Чоуки будто ударили обухом по голове. Меньше всего он хотел заставить свою госпожу страдать. Но это... Но то, что она делает...

— Пожалуйста, поцелуй меня.

Нерешительность синки немного раздражала. Вайшравана всегда высоко ценила умение орудия держать свои эмоции под контролем, но сейчас они были ни к чему. Совершенно. Ибо именно нерешительность, в данном случае, приносила массу боли, к которой она так и не привыкла за все века.

Словно бы почувствовав смену настроения, юноша, мысленно проклиная все на свете, включая и себя самого, безропотно повиновался, одаривая блондинку скомканным, нелепым поцелуем. Он все еще не мог поверить в то, что Бисамонтен так легко восприняла его грязное человеческое желаньице, позволив ему запретное. Посему, принять ведущую роль в этом театре абсурда, было для него по-прежнему нелегко. Виина, извернувшись, чуть резче, чем следовало бы, оттолкнула шатена, заглядывая ему в самую душу пронизывающим до мозга костей взглядом. Взглядом, не терпящим возражения. Одним рывком невероятно сильной руки Богини, которая внешне выглядела слабой и беззащитной, рубашка юноши была содрана, обнажая худое юношеское тело с коричневатыми, торчащими сосками, гладкой — ни волоска — грудью и еле видимыми очертаниями упругих мышц на животе. От увиденного у девушки на мгновение сперло дыхание: раньше она бы никогда не задумалась бы о том, насколько Кадзума женственно красив и привлекателен, но теперь, при текущих обстоятельствах, могла себе это позволить. Синки, совсем по-девичьи, неловко прикрылся руками, пытаясь скрыть свою наготу от внимательных, изучающих каждую родинку, каждое пятнышко, фиалковых глаз Вайшраваны. Он сотни, тысячи раз видел ее голой, она же его — ни единожды.

— Г-госпожа Бисамон... — смущенно начал лепетать Чоуки, однако был бесцеремонно прерван:

— Оставь условности, Кадзума, — убирая его руки и проведя пальчиками по выступающим ключицам, улыбнулась Бисамон. — Здесь только мы с тобой. К чему этот пафос?

И правда, к чему? Ему нечего уже терять, кроме как любовь своей госпожи, так сколько можно терпеть?

Чоуки стал медленно пятиться к краю бассейна, толкая блондинку к кафельной стене. Виина не сопротивлялась, разрешая орудию проявить, наконец, инициативу. Уткнувшись лопатками в теплый влажный кафель, она инстинктивно запрокинула голову назад, разметав за спиной каскад из золотисто-светлых волос и полностью раскрываясь навстречу первым робким прикосновениям. С гулко бьющимся в горле сердцем, шатен подрагивающими пальцами одной руки докоснулся до тонкой изящной шеи, нащупывая подушечками пульсирующую жилку, провел короткими ногтями вниз, к яремной впадинке, оставляя на нежной коже белые полосы; другой же он слегка поглаживал спину

Бисамонтен, которая тихонечко вздохнула, когда губы Кадзумы прижались к весьма чувствительности месту за ухом. Ощущая охватывающий тело трепет, Богиня Войны обняла синки, вплотную прижав к себе, и невольно ахнула: во-первых, юноша несдержанно прикусил мочку ее уха, во-вторых, в живот ей упиралась отвердевшая, стянутая брюками плоть. Вайшравана поерзала, вырывая из глотки парня глухой стон, да и поплатилась за свое коварство: шершавый, приятно раздражающий кожу язык мучительно медленно прошелся от шеи к ключицам толкнулся в яремную впадинку; ладони накрыли пышные белоснежные груди, очертив пальцами округлую полноту их форм, и горячий, опаляющий дыханием рот вобрал в себя рубиновую бусину эрегированного соска.

— Кадзума..!

Бисамон выгнулась, подставляясь под губы, руки действующего по наитию синки, и нечаянно потерлась влажной, пульсирующей промежностью о колено последнего, поставленное между её ног. Кадзума, словно напрочь вылетев из реальности, с упоением покусывал, дразнил языком, царапал ногтями ореолы сморщившихся от возбуждения сосков, чувствуя, как на спине хозяйки проступают мурашки, и вся она дрожит под ним, словно осиновый лист на ветру. Ему было жарко; в паху болезненно ныло, причиняя дискомфорт, но он пока не придавал этому значения, полностью сконцентрировавшись на том, чтобы доставить удовольствие Богине. Та, закусывая до крови губу, гладила неожиданно сильные плечи Чоуки, подавляя рвущиеся на волю непристойные стоны. Ей было душно: внутри разрастался тягучий шар из неудовлетворенности, тянущей пустоты и сладкой, пепеполюющей до краев истомы. Неконтролируемое возбуждение шатена, передающееся ей отдельными вспышками сильных эмоций, доставляло еще больше наслаждения и усиливало эффект от каждой манипуляции Кадзумы. Негнувшись пальцами, протиснувшись между их телами, она кое-как расстегнула пряжку ремня, а заодно и ширинку брюк, не без улыбки заметив, с каким облегчением выдохнул парень. Прежде, чем он успел что-либо еще сделать, Бисамон проворно накрыла узкой ладонью окаменевший, сочащийся естественной смазкой член и провела пальцами от основания до пунцовой головки, прощупывая венки. Она бы и дальше продолжила ласкать напряженную плоть, если бы Кадзума, захлебываясь собственным дыханием, не схватил бы ее за запястье, лишая всякой возможности удовлетворить его похоть. Зеленые, подернутые поволокой глаза томным и в то же время осуждающим взглядом уставились на Виину, и сердце девушки замерло: в этом незнакомом, несвойственном Чоуки взгляде читалось явное намерение осуществить только свои желания.

Коротко поцеловав замершую Вайшравану, юноша опустил перед ней на колени, обласкав языком сначала чуть выпуклый живот и острые бедренные косточки, а после, зарывшись носом в пухлый, покрытый светлыми мягкими волосками лобок, скользнул кончиком языка меж вязких, липких складочек промежности. Нашупав игриво высунувший головку клитор, он взял его в рот, слегка посасывая; пальцы же глубоко проникли в тугое отверстие влагалища, совершая легкие, осторожные фрикции. Мешала вода, лезущая в глаза, заливающаяся в нос и в уши, однако шатен не обращал на это внимания, самоотверженно воплощая в реальность то, что столь долго видел во снах.

Бисамон едва держалась на ногах: вцепившись пальцами в волосы синки, она тряслась, как в лихорадке, и, не в силах более сдерживаться, громко застонала в голос, бессвязно

повторяя имя Кадзумы, подобно заклинанию. Она и представить не могла, что тот хотел именно *этого*, вернее, она понимала, но происходящее казалось ей отрывком из какой-то безумной фантазии... Ни коим образом не ассоциировавшейся с Кадзумой.

После нескольких движений синки, она с протяжным стоном кончила, рухнув в воду. Сил стоять больше не осталось. Ее накрыло блаженное состояние посторгазменной неги, все тело расслабилось, став тяжелым. Даже на благодарные поцелуи возможности не было. Настолько ей было хорошо, сладко и приятно. Чего нельзя было сказать о ее орудии: парень настолько перевозбудился, что от трущегося о живот члена было больно. Подняв Вайшравану, шатен подхватил ее под бедра и, не дав опомниться ни себе, ни ей, порывисто вошел в нее во всю длину, буквально закричав от долгожданного соития. Не контролируя свои действия, он тут же начал рвано и быстро двигаться, задавая неровный темп. Бархатные стенки узкого влагища туго обхватывали его, засасывая глубже; двигаться внутри, благодаря большому количеству влаги, было нетрудно. Перед тьмой закрытых глаз плясали огненные искры. Юноша чувствовал, как Виина сжимается, заставляя его совсем терять голову, как она потрясающе горяча и отзывчива на каждый толчок, и посему начал уже беспорядочно вбиваться в податливое, размякшее тело Богини Войны. Все его пошлые запретные сны всполохами разноцветных кругов проносились в сознании, только лишь усиливая ощущения.

Виина уже не стонала; вместо этого, положив светловолосую голову синки на плечо, она, перывисто дыша, старалась двигаться в такт Кадзуме, скрестив сведенные судорогой ноги у него на пояснице, и иногда сбивчивым шепотом произносила его имя — заветное имя, которое же она сама ему и придумала. Спустя еще несколько нервных фрикций, шатен, до побелевших костяшек пальцев сжав бедра Бисамон, обильно излился в неё, наваливаясь на блондинку всем весом.

В наступившей тишине, прерываемой исключительно журчанием воды, стуком бамбуковой палочки и шумным, сбившимся дыханием обоих, Бог и орудие приходили в себя. Все случилось чересчур быстро и торопливо, однако никто, кроме, пожалуй, Кадзумы, не жалел о свершившемся. По покрытым испариной, ярко-красным щекам юноши катились слезы отвращения к самому себе и к тому, на что он посягнул.

— Кадзума, — отдышавшись, позвала Чоуки Виина, — ты жалеешь об этом?

Нет, в ней не заговорила уязвленная женская гордость, но прозвучала привычная для нее заботливость и нежность. Бисамонте не хотела, чтобы ее Кадзума переживал или корил себя, ведь она исполнила его желание, и теперь он перед ней в долгу.

— Да, — всхлипнув, отозвался синки, еле-еле отпуская госпожу и отстраняясь от нее. — Да, потому что я пал, совершил богохульство, предал твое доверие, называй это, как пожелаешь. Я ничтожество...

— Дурак ты, — улыбнувшись, беззлобно заключила Бисамон, взяв лицо шатена в руки и утирая большими пальцами слёзы. — Неважно, что ты сам думаешь об этом, для меня ты все равно остался тем же единственным и незаменимым Кадзумой, которого я люб... который нужен мне.

— Правда? — покрасневшие глаза расширились от изумления.

— Правда, — подтвердила Виина. — Но с одним условием: больше ты никогда не заставишь меня переживать из-за твоих желаний.

Любить Бога, ради которого готов даже на большее, чем «на все», это еще допустимо. Тяжко, мучительно, трудно, но допустимо. Желать же Бога — табу. Так думал Кадзума. До тех пор, пока сама Богиня Войны вконец не опровергла это табу, нарушив все условные границы между отношениями Бога и орудия.

Примечание к части

Я понимаю, что, возможно, в сюжете присутствует некий когнитивный диссонанс, несколько сбивающий с толку, но, дорогие читатели, пожалуйста, оставляйте отзывы! Мне всегда важно знать ваше мнение!